

Глава первая

1

Красиво... Правда? — тихо спросил Михаил, облокотившись на гранитный парапет набережной.

— Да, — сказала Любочка, даже не взглянув на искрящуюся гладь пруда, по которой в свете прожекторов скользили лодки. — Очень красиво!

Она продолжала искоса посматривать на резко очерченное ночными тенями лицо Михаила и беспокойно тербила веточку сирени.

«Почему он молчит? О чем думает?» — Любочка старалась прочесть ответ на его лице и отчего-то тревожилась. Наконец она не выдержала:

— О чем ты думаешь?

Михаил по-прежнему тихо сказал:

— Мне хорошо...

Он не сказал «с тобой», и Любочка нахмурилась. Ребята, которые пробовали раньше ухаживать за ней, не стеснялись в лстивых выражениях. Чтобы отомстить Михаилу, она бросила подаренную им сирень в воду.

Михаил долго смотрел на мелкие круги, разбежавшиеся от упавшей ветки, и ничего не сказал. Только черные густые брови сошлись на переносице.

Молчание становилось все тягостнее. Любочка тоскливо глядела на злополучную сирень, которая покачивалась на мелких редких волнах и никуда не уплывала.

«Сейчас уйду и все... Пусть стоит и молчит. Подумаешь...» Но не уходила.

— Разреши закурить?

Любочка улыбнулась такой старомодной деликатности и разом простила Михаилу и молчаливость, и стеснительность, и томившую ее недоговоренность.

— Кури, пожалуйста...

Они медленно пошли вдоль набережной, поглядывая на веселящуюся в лодках молодежь. Каждый раз, когда они касались друг друга локтями, Михаил отодвигался в сторону. Любочке эта конфузливость нравилась и немножко забавляла ее. Если бы Михаил сказал «с тобой», Любочка, наверняка, ответила бы: «И мне тоже». Но он не договорил, и ей опять пришлось держать в себе давно приготовленный ответ.

Они познакомились на выпускном вечере. Подруга Любочки по курсу рыжеволосая Райка Голышманова пришла в техникум с двумя молодыми людьми. Оба долговязые, одинаково черноволосые, они стали в углу зала, и маленькая кудрявая Райка затерялась между ними, как мелкий рыжик меж могучих грибов-боровиков. На это сразу обратили внимание, и кто-то из местных остряков весело хохотнул возле Любочки:

— Ай Моська, знать она сильна!

Любочка улыбнулась.

Во время танцев Райкины кавалеры усадились в углу, и она стала что-то рассказывать им, громко, неестественно хохоча и беспомощно озираясь.

— Интересно, который из них ее? — весело гадали девчата, сочувственно наблюдая за растерянной Райкой.

«Что же они сели?.. Пригласили бы ее танцевать...» — пожалела подругу Любочка.

Перехватив ее взгляд, Райка вдруг сорвалась с места и, пробежав через весь зал, ухватила Любочку за руку.

— Любка! Идем. С тобой хотят познакомиться... Честное слово!

В темно-зеленых глазах Райки было столько мольбы, что Любочке стало жаль ее. Она позволила протасовать себя за руку в угол и только тогда, когда молодые люди стали неловко представляться, сообразила, что никто с ней знакомиться не хотел. Чувство жалости к подруге разом улетучилось. Она уже собралась сказать

что-нибудь язвительное, но Райка подхватила одного из молодых людей под руку, наградила подругу благодарной улыбкой и закружилась в вальсе.

Все произошло так быстро, что Любочка с Михаилом растерялись. Михаил сделал какое-то движение, и Любочке показалось, что он приглашает ее танцевать. Она подала руку и тут же по его смущенному виду поняла, что он не собирался этого делать. Какое-то мгновение они глядели в глаза друг другу, и когда Любочка, оправившись от растерянности, хотела вырвать руку, Михаил вдруг подался вперед и взял ее за талию.

Танцевал он хорошо. Пройдя тур, поблагодарил и, придерживая за локоть, повел на прежнее место. Любочка хотела тотчас же отойти, но он как-то странно посмотрел на нее и вдруг спросил:

— Вам неприятно со мной?

— Отчего же... — деланно улыбнулась Любочка и почему-то осталась.

На следующий танец он пригласил ее смелее. По-немногу разговорились. Впрочем, не совсем так. Михаил только скупно спрашивал, а говорила Любочка. Ощущение неловкости прошло, и, почувствовав доверие к сероглазому сильному юноше, она весело рассказывала о себе, о доме, об учебе. Ей ни разу еще не было так свободно и легко с незнакомым человеком...

Когда в зале появился ее постоянный партнер по танцам Дима Бельный, она отказалась танцевать с ним и осталась с Михаилом.

— Кто это? — спросил Михаил.

— Да так... Один знакомый... — небрежно отмахнулась Любочка.

Потом Михаил проводил ее до дому.

Всю дорогу, ощущая на локте его сильную руку, Любочка болтала о пустяках. Праздничное чувство, возникшее в ней на вечере, не проходило, и она впервые в жизни готова была бродить по городу хоть до утра. Она все время ждала, что Михаил заговорит о следующей встрече, но он все молчал и только улыбался краешками губ.

— Вот я и дома... — вздохнула Любочка.

— Да? — удивился Михаил, и она уловила в его взгляде сожаление.

— Я пойду.

— Да-да... не смею... До свидания, Люба... — Он неловко затоптался на месте.

И она решилась вдруг на такое, на что раньше никогда бы не осмелилась.

— Вы в субботу свободны?

— Да-да! Конечно!

— Приходите в парк к восьми вечера.

— Да-да. Обязательно! Я буду ждать вас у главного входа! — торопливо заговорил он, крепко сжимая большими руками ее мягкую ладонь. — Я обязательно...

Любочка долго не могла уснуть в ту ночь. Черноброее скуластое лицо с ямочкой на квадратном подбородке то и дело всплывало в воображении...

И вот которое уже по счету свидание... Любочке кажется, что она давным-давно знает Михаила, все ей о нем известно, все в нем ясно. И в то же время ничего в их отношениях ясного нет. И это самое странное.

Нравится он ей? Конечно. Зачем лгать себе? Любит она его? Любочка не знает. Все так путано, все так неясно... А главное — ничего не сказано. Она просто боится признаться себе в том, что испытывает к Михаилу чувство, какого никогда не знала. Оно радует ее, волнует, тревожит. Больше всего тревожит. Чем дальше, тем больше это чувство тяготит ее. Она способна из-за пустяка рассердиться на Михаила, тут же простить, снова вскипеть тайком и опять заулыбаться в душе при первом его неловком прикосновении.

А он молчит. Бредет рядом, косится на нее и молчит.

— Я хочу пить... — вдруг говорит Любочка и улыбается, глядя вслед высокой фигуре, бегущей к ларькам. Оба они знают, что ларьки давно закрыты — время позднее, но она почему-то просит воды, а он почему-то бежит. Потом, когда он возвращается ни с чем, она показывает на часы и смеется:

— Да время-то...

И он тоже смеется.

— Правда, красиво? — опять спрашивает Михаил, кивая на ночной пруд.

— Да. Очень!

Они садятся на скамейку под раскидистым тополем. Ветви укрывают их от света прожектора, и Любочка напрягается. Ей кажется, что Михаил сейчас обязательно погладит ее руку. И он действительно прикасается к

ней. Любочка чувствует, как горячи его пальцы. Ей хочется, чтобы прикосновение длилось долго-долго, но Михаил убирает руку.

— Мне пора домой, — грустно говорит она, и Михаил поднимается со скамейки.

В электрическом свете Любочка снова видит скуластое волевое лицо и вздыхает. Лицо у Михаила действительно мужественное, но в поведении его — мужества ни капли. Он все молчит, все о чем-то думает. «Не любит...» — решает Любочка, стараясь идти в ногу с Михаилом, и в ответ чувствует, как крепче сжимает он ее локоть. И Любочка уже жалеет, что поторопилась домой.

2

Дверь открыла мать. Сонно зевая, она придирчиво осмотрела Любочку с ног до головы и по обыкновению ворчливо сказала:

— Шляетесь с отцом... Полуночники! — Потом снова окинула взглядом лицо дочери и спросила: — Заневестилась... С кем опять бродила?

Любочка давно привыкла к тому, что мать разговаривает грубо, зло (иначе она не умеет), но сегодня бесцеремонный вопрос почему-то возмутил ее.

— Опять допрос! — болезненно усмехнулась она и прошла в свою комнату.

Мать пошла за ней.

— Как ты родной матери отвечаешь! — сердито уперла она кулаки в бока. — Дочь называется. Мать ночи не спит — беспокоится. А она — на тебе!

— Отстань, пожалуйста! Знаю я, что тебя беспокоит! — с вызовом обернулась Любочка к матери. — Знаю. Да!!!

Глафира Иннокентьевна опешила и, помаргивая желтовато-зелеными маленькими глазками, вкрадчиво спросила:

— Чего... Чего ты знаешь?

— Знаю! — сердито отрубил Любочка и стала раздеваться.

— Знает она!.. Мать о судьбе твоей дурьей печется... Чем Димка Беленький плох? Сам видный, врачом будет. Отец — профессор. Чем не жених? А ты нос воро-тишь. Подумаешь, графиня!

— Отстань, говорю. Я не хочу тебя слушать. Ты... ты знаешь кто? Ты — мешчанка! — побледнев, сказала Любочка.

— Что? Что? Мать у нее мешчанка... Подожди вот, в подоле принесешь, к кому пойдешь? К матери? — задохнулась Глафира Иннокентьевна и под раздраженным взглядом дочери ушла, хлопнув дверь.

Любочка бессильно опустила на кровать. Она чувствовала себя отвратительно. Вспомнился прошедший вечер, пруд в огнях, скамейка, покорное лицо Михаила, ее радости и тревоги, и она заплакала.

— Мать называется... Доброго слова не скажет! — всхлипывала Любочка, жалея себя и свое одиночество в пустынной родительской квартире.

С отцом она виделась мало. Директор завода, он рано уходил и приезжал поздно. И всегда был каким-то чужим, будто посторонним у себя дома. Тихо появлялся, тихо исчезал. Встречаясь с дочерью, он ласково приглаживал ее волосы, спрашивал, как она учится, как дела, что ей нужно. Спрашивал всегда с неловкостью и виновато смотрел на дочь. Любочка стеснялась отца и жалела его. Ей всегда казалось, что, несмотря на свою мужскую силу и большую должностную власть, отец очень одинокий и неустроенный человек. Почему ей так казалось, Любочка не знала. Только в последнее время она стала смутно догадываться о причинах отцовского одиночества.

«Папка-папка, ничего ты, глупый, не знаешь...» — продолжала она всхлипывать, закусив угол подушки и чувствуя, как тяжелым комом нарастает неприязнь к матери.

В прихожей стукнула дверь. Это, конечно, отец. Любочка приподняла голову и ясно услышала ворчание матери:

— Шляется черт знает с кем, слушать не хочет. Огрызается...

«Жалуйся», — подумала Любочка, и ей очень захотелось, чтобы отец зашел к ней, расспросил обо всем сам. Вот его шаги ближе... Остановились, затихли. «Сей-

час зайдет!» Но отец не зашел. Он долго стоял у двери Любочкиной комнаты, слушая торопливое и злое бормотание Глафиры Иннокентьевны, а потом сердито оборвал:

— Вот что, Глафира... Она уже взрослая. Сама все понимает. Оставь ты ее лучше в покое.

— Это как же так? — ахнула Глафира Иннокентьевна. — Хорош папаша!

— Вот так, — сказал отец. — С грязными словами девчонке в душу не лезь. Тут дело деликатное. А тебе этого понять не дано.

— Родитель называется! — запричитала Глафира Иннокентьевна. — Вот осрамит она нас — принесет в по-
доле...

— Ну, знаешь! — возмутился отец и пошел на кухню. Глафира Иннокентьевна засеменила за ним.

Любочка опять уткнулась в подушку, но плакать перестала. Хоть отец и не зашел, стало все же легче — в его голосе она уловила тревогу и сочувствие.

Глава вторая

1

у, объяснился? — Борис вылез из-под одеяла и с любопытством взглянул на хмурого Михаила.

Тот отмахнулся.

— Жрать хочешь?

— Не хочу...

— Ну и въелась тебе в печонку эта директорская дочка! Плюнул бы ты, а? Нашел бы что-нибудь по-

проще. А то надо же — втюриться, да еще в дочь директора. Это, брат, не пельмень, хап на вилку — и в рот. Эта публика себе цену знает.

— Отстань... — огрызнулся Михаил. — Что ты о ней знаешь!

— Ишь ты! Защищает! — добродушно осклабился Борис. — Ну, коли уж так серьезно — взял бы да объяснился!

— Ты лучше со своей Раечкой объяснись! — напустился Михаил.

Борис расхохотался.

— А я уже... Решено. В новом доме квартиру дают — играю свадьбу. Катись к чертовой матери, Борька, из союза холостяков!

— Объяснились?

— Ага. Согласна, говорит, при условии, если бросишь курить и громко орать, где попало.

— Ну что ж... поздравляю!

— Что-то ты кисло меня поздравляешь.

— Почему же? — смутился Михаил. — Рая — дивчина стоящая.

— Кнопка-то? Ясное дело! Хоть и не дочь директора...

— Ну знаешь, ты это брось! Что тебе это директорство поперек горла встало?

— А как же! — Борис вскочил на кровать и, размахивая длинными руками у самого потолка, заорал: — Сенсация! Слушайте все! Исполняющий обязанности главного механика завода Михаил Степанович Девьялов пролез в зятя к директору того же завода Горинкову! Урра!

Михаил отвернулся и стал сдергивать с себя рубашку.

Борис еще недолго поплясал на кровати и утихнул.

— Ты что сопишь?

Михаил молча нырнул в постель.

— Да ты не сердись, — подсел к нему Борис. — Я ведь так... Шучу.

Михаил передернул плечами и натянул одеяло на голову.

— Слышь, Мишка, не дуйся. Я разве против? Я ведь все понимаю.

Михаил молчал. Борис посидел еще немного и потушил свет.

Они долго лежали в темноте. На потолке помаргивали желтые отражения уличных фонарей, да ровный гул пробивался сквозь окно из надвинувшейся на город ночи. Совсем рядом своей обычной жизнью продолжал жить завод.

— Не пойду я больше к ней, — вдруг проговорил Михаил.

— Ты что, обалдел?! — Борис выскочил из-под одеяла.

— Не пойду. Ничего доброго у нас не получится. Если ты такое говоришь, то другие... И ведь надо так случиться, что именно ее отец стал директором. Кто мог знать!

Борис шарил по тумбочке — он искал папиросы и спички.

— Не хочу подковырок, не хочу, чтобы на меня глядели, как на приспособленца. Это тоже не счастье. Хорошо, когда все проще.

— Дурак! — Борис нашел, наконец, папиросы и закурил. — Алексей Алексеевич — человек умный. Он поймет. Ты вот все о себе. А о девчонке подумал? Мозги ей засорил — и в кусты?

— А я хотел? — вскочил Михаил. — Скажи, я хотел? Да?

— Я думал, ты самостоятельнее, — сердито пробасил Борис. — Обывательских сплетен испугался! Оглядываешься. Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!

— Тебе-то легко... У тебя все, как в чистой воде. А тут...

— А у тебя что? Любишь — люби! Тебя любят — радуйся. — Огонек папиросы сердито замелькал в темноте. — Если настоящее, никто не страшен. Также мне... Могут сказать, могут подумать...

— Петин с Сачковским так и подумают.

— Ну и черт с ними! Им недолго осталось моды диктовать. Горинов их на место посадит. Не по ним кремешок попался.

Михаил долго молчал, потом вдруг оживился:

— А я на другой завод перейду. Тогда ведь совсем другое дело!

— Еще что! У нас такая ломка предстоит, а ты удирать. Здорово придумал! — Борис закашлялся. — Самое время подходит за работу по-настоящему брататься. Самостоятельно, а не плясать под дудку у Петина. Завод на ноги ставить будем.

— Откуда ты это взял?

— Чувствую. Конец диктатуре подходит. Сегодня Горинов Петину такой урок ликбеза в первом механическом преподавал... При всех.

— Да ну!

— Точно. Прямо носом ткнул. Вот, говорит, образец идеальной технологической петли. Одну деталь таскают по цеху восемь раз. А все из-за технологии. Кто, говорит, утвердил такую? Кто главный инженер?

— Здорово!

— Еще бы! Рабочие в рукава фыркают, а Петин краснее свеклы.

— А тебя не ругал?

— Еще как... — вздохнул Борис. — Тоже при всех.

— Ну и что?

— А что я... Я прямо при всех и сказал, что главным технологом только числюсь, а на самом деле существую как технический секретарь главного инженера. Уполномоченный по штурмовке в конце месяца.

Михаил расхохотался.

Борис беззлобно пригрозил:

— Подожди. На днях механическую службу будут слушать. Попотеешь! У тебя грехов — пруд пруди. Больше нашего.

— Я не боюсь. Если ты техническим секретарем у Петина, так я-то уж и вовсе нуль без палочки. Целыми днями на побегушках. Системы никакой, а прав — тем более.

— Так и скажешь?

— Так и скажу. Скажу: гоните меня в шею! Ползал, скажу, у главного инженера под пяткой, дыры штопал да бумажки составлял.

— Не скажешь!

— А вот скажу!

— Ладно, зять великий... Давай спать. Утро вечера мудренее. А то не выспишься — перед тестем осрамишься.

— Пошел к черту!